

Натуралистическая онтология и эпистемология моральных фактов*

К. Г. Фролов

Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ, Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
Российская Федерация, 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

Для цитирования: Фролов К. Г. Натуралистическая онтология и эпистемология моральных фактов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 204–217. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.205>

Исследование представляет собой презентацию оригинальной версии так называемого морального натурализма — концепции, сочетающей в себе элементы морального реализма и натуралистического эмпиризма. В первом параграфе даются исходные определения наиболее значимых для нашего исследования понятий (таких как моральный реализм, эпистемологический и метафизический натурализм, супервентность) и проясняется их смысл. Во втором параграфе представлена мотивация данного исследования, т. е. те основания, по которым нам следует стремиться отстоять как моральный реализм, так и натурализм. В третьем параграфе мы проделываем ряд шагов, нацеленных на экспликацию логической формы предполагаемых моральных фактов. Преимуществом предлагаемой трактовки их логической формы является то, что она позволяет утверждать, что познание таких фактов может быть результатом познания физических свойств объектов, из чего следует совместность морального реализма с натурализмом. В четвертом параграфе мы демонстрируем иное последствие предложенной логической формы: по своей структуре она сходна с логической формой менее спорных по своему статусу модальных фактов (таких как, например, факты о физических возможностях), что позволяет распространить на моральные факты все те подходы, которые имеются в отношении этих менее спорных модальных фактов. В том числе это позволяет показать, каким образом моральные факты могут быть супервентны на совокупности всех имеющихся физических фактов. В пятом параграфе в контексте всего предшествующего изложения мы проводим анализ наиболее серьезного затруднения для морального натурализма. Речь идет о гильотине Юма. Наконец, в шестом, заключительном параграфе мы приводим итоговый аргумент данного исследования.

Ключевые слова: этика, метаэтика, онтология, моральный реализм, моральная аргументация, натурализм, супервентность, гильотина Юма.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук МК-703.2021.2.

Исходные определения

Целью данного исследования является презентация оригинальной версии так называемого морального натурализма — концепции, сочетающей в себе элементы морального реализма и натуралистического эмпиризма.

Моральный реализм — это позиция, признающая наличие в актуальном мире моральных фактов, причем их существование полагается независимым от познающих моральных агентов [1]. Таким фактам соответствуют моральные истины — высказывания, описывающие на том или ином языке эти факты корректным образом.

Эмпиризм в данном контексте представляет собой эпистемологический тезис, утверждающий, что в основании наших истинных убеждений всякий раз лежит опыт взаимодействия с актуальным миром. Соответственно, если среди наших истинных убеждений имеются истинные *моральные* убеждения, то и они являются результатом эмпирического познания действительности [2].

Эпистемологический натурализм, в свою очередь, уточняет, что в основе такого познания всякий раз лежит то или иное *физическое* взаимодействие с пространственно локализованными объектами актуального мира. В той мере, в какой физический опыт является основой всего естественно-научного познания, эпистемологический натурализм оказывается эквивалентен тезису о том, что всякое познание действительности по своей природе принципиально не отличается от естественно-научного.

В свою очередь, *метафизический (онтологический) натурализм* исходит из того, что все имеющиеся в актуальном мире факты представляют собой физические факты либо супервентны на них. *Супервентность* — отношение, определенное на множествах фактов, такое, что факты из множества *A* являются супервентными на фактах из множества *B*, если и только если факты из множества *A* не могут претерпеть каких-либо изменений при отсутствии изменений фактов во множестве *B* [3].

Соответственно, если мы допускаем существование моральных фактов, но при этом желаем оставаться на позициях метафизического (онтологического) натурализма, то в таком случае нам остается лишь утверждать, что все моральные факты супервентны на совокупности всех физических фактов [4], т. е. таких, которые могут быть предметом исследования естественных наук, опирающихся в своей работе на опыт физического взаимодействия с объектами актуального мира.

Таким образом, моральный натурализм представляет собой сочетание положений морального реализма о наличии моральных фактов в актуальном мире; эпистемологического натурализма о признании того, что основе познания любых фактов всякий раз лежит физическое взаимодействие; и метафизического натурализма о супервентности всех нефизических фактов на множестве всех имеющихся физических фактов.

Мотивация

Дабы прояснить нашу мотивацию в рамках данного исследования, стоит сказать несколько слов о преимуществах каждого из указанных подходов по сравнению с его оппонентами.

Основным преимуществом морального реализма по сравнению с моральным антиреализмом¹ является то обстоятельство, что признание существования моральных фактов допускает возможность познания моральных истин, способных обосновывать процессы социальной саморегуляции, и в частности акты правосудия. В случае же различных форм морального антиреализма (таких как релятивизм, социальный конструктивизм, эмотивизм и др.) основой правосудия оказывается конвенция, принимаемая в установленном правовом порядке. Однако в таком случае несогласные с принимаемой нормой оказываются в положении жертв, причем наличие таких жертв неизбежно. Примечательно, что подобного не происходит в случае истинности морального реализма.

Так, например, если моральный реализм истинен и также истинен универсалистский тезис о том, что никто не может быть дискриминирован, в частности на основании собственной сексуальной ориентации, то такое явление, как гомофобия, может быть обоснованно наказуемым. Допустим теперь, что моральный реализм ложен. Но в таком случае, если результатом легитимно принимаемой конвенции становится наказуемость гомофобии (как, например, это произошло в Швейцарии в результате референдума 2020 г.), то уже сами гомофобы оказываются в положении жертв этой новой конвенции. По сути, можно говорить о том, что они становятся жертвами «гомофобофобии».

Однако подобного не происходит в первом случае, если моральный реализм истинен! В самом деле, если это так (и если истинен соответствующий универсалистский тезис), то наказываемые гомофобы более не могут быть признаны жертвами социальных практик, так как эти социальные практики оказываются обоснованы моральными истинами. Гомофобы при этом могут быть признаны лишь жертвами собственного *незнания* этих истин, подобно тому, как некто может оказаться жертвой незнания того, что не следует класть руку в кипящую воду. В самом деле, ведь невозможно усмотреть никакой несправедливости в негативных и безусловно болезненных последствиях для того, кто кладет свою руку в кипящую воду.

Тем самым моральный реализм дает надежду на построение справедливого общества (или, по крайней мере, на значимый прогресс в этом отношении). Общества, в котором не будет необоснованных жертв социально-правовых и этических конвенций [8]. Со своей стороны, моральный антиреализм подобной перспективы предоставить не в силах. Кроме того, моральный реализм дает пусть и утопическую, но все же надежду на достижение обоснованного морального согласия [9], когда моральные истины будут установлены и всем известны (или, по крайней мере, на значимый прогресс в этом отношении), тогда как антиреализм если и допускает согласие, то лишь произвольное, ничем не обоснованное. Ясно, что достичь такого согласия крайне тяжело, а потому антиреализм склонен весьма скептически относиться к подобного рода перспективе, рассматривая моральные разногласия и сопряженные с ними издержки в качестве нормы. О каком-либо прогрессе здесь говорить не приходится.

Укажем теперь основное преимущество эпистемологического натурализма. Оно весьма бесхитростно: такой подход позволяет избегать широкого класса затруднений, известных под общим наименованием «проблемы доступа». Речь идет

---

¹ О полемике между моральным реализмом и антиреализмом см.: [5–7].

о том, что допущение наличия нефизических фактов должно сопровождаться объяснением того, каким образом мы как физические объекты можем иметь к ним доступ, дабы устанавливать, какие из этих фактов имеют место, а какие нет. Любой такой доступ, в свою очередь, может быть охарактеризован как взаимодействие. В таком случае речь идет о взаимодействии между нами как физическими познающими агентами и некими нефизическими фактами. Соответственно, такого рода взаимодействие между физическим и нефизическим представляется проблематичным само по себе, что и влечет за собой привлекательность эпистемологического натурализма, эксплицитно отрицающего возможность подобных взаимодействий.

Наконец, основным преимуществом позиции метафизического натурализма является его весьма оптимистическое следствие о принципиальной познаваемости всех имеющихся в актуальном мире фактов. Если метафизический натурализм верен, то не существует² ничего такого, что не могло бы быть обнаружено и установлено в результате научных исследований.

Сочетание всех указанных выше преимуществ приводит нас к пониманию особой привлекательности позиции морального натурализма. Но кроме такого сочетания уже упомянутых преимуществ, моральный натурализм обладает и собственными достоинствами, делающими его более предпочтительным, чем, например, ненатуралистические версии морального реализма. Речь идет о том, что ненатуралистический моральный реалист сталкивается с серьезной проблемой того, как ему следует оценивать тезис о супервентности моральных фактов на совокупности всех физических фактов [10]. Если таковую супервентность признать имеющей место, то в таком случае ненатуралистический моральный реалист должен предложить этому явлению какое-либо внятное объяснение, что оказывается затруднительным. Отказ же от признания какой-либо связи между физическими и моральными фактами попросту противоречит устойчивой интуиции о том, что в точной физической копии актуального мира едва ли могли бы иметься какие-либо иные моральные факты, отличные от тех, что имеются в нашем, актуальном мире.

Разумеется, роль подобных интуиций может быть поставлена под сомнение, однако следует признать, что на их использовании держится существенная часть здания современной аналитической метафизики, а потому отказ от таких интуиций подрывает самые основания рациональных исследований в данной области.

При этом для морального натурализма тезис о супервентности моральных фактов на совокупности всех физических фактов никакой проблемы не представляет. Моральный натуралист однозначно признает данный тезис верным, поскольку это непосредственно следует из разделяемой им установки метафизического (онтологического) натурализма.

Тем не менее все указанные ранее доводы являются лишь хорошими свидетельствами в пользу того, чтобы *желать*, чтобы моральный натурализм был истинен (то, что называется *wishful thinking*), но никоим образом не собственно аргументами в пользу его истинности.

Соответственно, цель нашего исследования состоит в том, чтобы представить очерк консистентной натуралистической онтологии и эпистемологии моральных фактов и тем самым показать, что моральный натурализм возможен.

---

² Речь в данном случае идет об *онтологическом*, а не об эпистемологическом тезисе.

Логическая форма моральных фактов

Основным препятствием на пути реализации поставленной задачи нередко видится то обстоятельство, что моральные факты (если таковые существуют) в отличие от физических фактов имеют нормативную природу, в связи с чем на первый взгляд кажется неясным, каким образом должное может быть супервентно на сущем. Для решения данной проблемы нам предварительно придется проделать ряд шагов.

На первом шаге выберем кандидата на роль предполагаемого морального факта. Пусть таковой будет выражаться следующим высказыванием:

(1) Ни одного человека нельзя варить живьем в кипятке.

Не вдаваясь в исторические детали, предположим в рамках нашего мысленного эксперимента, что в Москве в XVI в. по приказу Ивана Грозного одни люди действительно варили других людей в кипятке. В таком случае, если моральный реализм верен и (1) истинно, то и варившие, и Иван Грозный, во-первых, имели неверные убеждения (по-видимому, они полагали, что варить живьем людей при определенных обстоятельствах допустимо), а во-вторых, совершали неверные действия [11].

Второй шаг состоит в том, чтобы предложить трактовку того, каким именно образом в данном случае следует интерпретировать понятие «неверное». Что это значит? И что значит «нельзя»?

«Нельзя» относится к числу модальных терминов, т. е. таких, которые описывают не свойства или отношения объектов внутри предметной области актуального мира, но отношения между актуальным миром и другими возможными мирами (или между индивидами из этих миров). Традиционно модальные контексты различаются по меньшей мере на два типа: *de dicto* — когда носителем модальности выступает пропозиция, и *de re* — когда носителем модальности выступает конкретный объект (индивид) [12]. Нас в данном случае будет интересовать именно последний тип модальности, поскольку именно он является ключом к важному для нас понятию *реляционного модального свойства*, т. е. свойства объекта находиться в определенных отношениях со своими двойниками в иных возможных мирах.

Соответственно, на третьем шаге мы выдвигаем гипотезу о том, что каждый человек в силу своей природы, по-видимому, обладает некоторым реляционным модальным свойством, а именно «быть тем, кого нельзя живьем варить в кипятке». В свете такой гипотезы нам следует отказаться от того, чтобы приписывать высказыванию (1) логическую форму вида:

(2) $\neg R \exists x(\text{Человек}(x) \ \& \ \text{Варится}(x))$,

где *R* — деонтический модальный оператор «Допустимо, что».

Наш тезис в данном случае состоит в том, что для высказывания (1) значительно более перспективным решением является избрать логическую форму вида (3):

(3) $\forall x(\text{Человек}(x) \rightarrow \neg R \text{Варится}(x))$

В отличие от формулы (2) в формуле (3) мы имеем дело с модальностью *de re*, и, соответственно, формула (3) сообщает о том, что все индивиды, принадлежащие

объему предиката Человек(x), обладают определенным общим свойством. В свою очередь, выражение $\neg R$ Варится(x) в данном случае как раз и характеризует то особое реляционное модальное свойство «быть тем, кого нельзя варить», присущее всем людям, гипотезу о котором мы выдвинули на третьем шаге.

Одним из прямых позитивных последствий предложенной логической формы является значительно более ясная эпистемология подобного рода фактов. В самом деле, если речь идет о модальности *de re*, т. е. о модальных свойствах *самих* объектов, то и познание таких свойств может быть результатом исследования *самих* объектов. В таком случае источником их познания может быть восприятие: факт того, что некоторый объект (например, человек) обладает неким модальным реляционным свойством, можно *видеть* [13]. Таким образом, понятие реляционного модального свойства открывает дорогу как эпистемологическому натурализму, так и метафизическому натурализму.

Эпистемология моральных фактов

Проиллюстрируем сказанное рядом наглядных примеров.

Рассмотрим следующие высказывания:

- (4.1) Я видел вчера Василия.
- (4.2) Я видел вчера, что Василий был пьян.
- (4.3) Я вижу, что Вы можете сдать этот экзамен на «отлично».
- (4.4) Я вижу, что Вам следует быть осторожнее за рулем.
- (4.5) Я вижу, что мне нельзя Вам доверять.
- (4.6) Я вижу, что в этой ситуации мне следует Вам помочь.

Ясно, что в первом случае речь идет о восприятии объекта, индивида. Во втором — о восприятии атомарного факта. В четырех же последних случаях речь идет о восприятии *модальных* фактов, а в последнем из них — о восприятии морального факта. Сам язык показывает нам, что в основании генезиса моральных убеждений может лежать чувственное познание как результат физического взаимодействия познающего агента с объектами актуального мира.

Однако можно было бы предположить, что в данном случае мы имеем дело с омонимией, когда одним термином «видеть» мы обозначаем совершенно различные по своей природе способы восприятия. Традиционно различие в этой природе увязывается с понятиями непосредственности и опосредованности: физические объекты мы видим непосредственно, в результате прямого физического контакта с ними, тогда как факты мы видим опосредованно, такое знание является выводным.

И все же более глубокий анализ показывает, что подобное разделение форм восприятия на непосредственные и опосредованные является лишь делением по степени, но не по природе, поскольку в любой форме чувственного познания неявно также присутствуют элементы вывода [14].

Это ясно, например, из того обстоятельства, что склонность характеризовать чувственный опыт в качестве непосредственно данного у нас имеется потому, что нам кажется, что ему не нужно учиться, тогда как распознавание фактов (в том числе и моральных) требует всякий раз специфической подготовки или трениров-

ки. Однако такое наше представление о врожденном характере механизмов чувственного познания неверно. Ощущать тоже надо учиться. Соответственно, как в чувственном восприятии объектов можно обнаружить неявные механизмы рациональных рассуждений, так и в опосредованном восприятии можно заметить присутствие значимой чувственной компоненты, что, собственно, и требуется нам для обоснования натурализма.

Вернемся теперь к нашему примеру с Иваном Грозным и его подручными. Сказанное выше означает, что причиной их действий было то, что они *не видели*, что людей нельзя живьем варить в кипятке. Они не видели, что все люди обладают таким реляционным модальным свойством. Как такое возможно?

Возможность подобного рода моральных заблуждений объясняется тем обстоятельством, что распознавание реляционных модальных свойств, присущих объектам, представляет собой, безусловно, более непростую задачу, нежели распознавание внутренних свойств объектов. Однако трудности подобного рода не отменяют самой *возможности* такого распознавания и не свидетельствуют против существования распознаваемого содержания.

Вновь поясним сказанное наглядной аналогией.

Очевидно, что увидеть, что объект является синим, проще, чем увидеть, что он является хрупким. При этом увидеть, что он является хрупким, может быть значительно проще, чем увидеть, что тот же объект является ценным. Вместе с тем следует подчеркнуть, что все три задачи при всех сопряженных с ними сложностях являются *выполнимыми*. При этом, что особенно важно, все они совместимы как с эпистемологическим, так и с метафизическим натурализмом.

Начнем с метафизического аспекта.

В терминах нашего анализа и хрупкость, и ценность физических объектов могут быть охарактеризованы в качестве реляционных модальных свойств этих объектов. Так, хрупкость объекта может быть проинтерпретирована в качестве характеристики близости к актуальному миру иных возможных миров, в которых рассматриваемый объект разбит на части. При этом, что важно, хрупкость, несмотря на свой модальный статус, во-первых, остается свойством *самого* объекта, а во-вторых, является последствием его внутренних физических свойств. В таком случае реляционное модальное свойство хрупкости физического объекта оказывается супервентным на его внутренних физических свойствах. Это означает, что объект не может утратить свою хрупкость при отсутствии изменений его внутренних физических свойств. Всякая точная физическая копия такого объекта будет обладать той же степенью хрупкости, что и исходный объект.

Аналогичным образом дело обстоит и с ценностью. Так, ценность объекта может быть проинтерпретирована в качестве характеристики близости к актуальному миру иных возможных миров, в которых рассматриваемый объект продан за ту или иную сумму денег. Чем более ценным является такой объект, тем менее вероятно, что его владелец продаст его за обозначенную цену, и тем дальше от актуального мира расположены те возможные миры, в которых владелец за данную сумму рассматриваемый объект все-таки продал. И вновь ценность, несмотря на свой модальный статус, во-первых, остается свойством *самого* объекта, а во-вторых, зависит от его внутренних физических свойств. Как следствие, реляционное модальное свойство ценности физического объекта оказывается супервентным на со-

вокупности физических фактов³. Это означает, что объект не может утратить свою ценность при отсутствии изменений в физическом мире. Всякая физическая копия актуального мира обладала бы точно таким же распределением ценности объектов, как и в актуальном мире.

Следующим аспектом нашей аналогии выступает *реалистическая* установка в отношении указанных реляционных модальных свойств: хрупкие объекты являются хрупкими вне зависимости от мнений и знаний об этом со стороны кого бы то ни было. Реалистическая трактовка понятия ценности более спорна. Однако приемлемую интерпретацию в данном случае предложить все же можно. В таком случае мы исходим из того, что ценный объект не следовало бы продавать за низкую цену вне зависимости от компетентности его владельца, а значит, ценные объекты могут быть признаны ценными вне зависимости от чьих-либо мнений и знаний. Так, картину да Винчи, об авторстве которой никому не известно, все же не следовало бы обменивать на две шоколадные конфеты. Соответственно, такая картина является ценной независимо от знаний людей.

Наконец, третьим аспектом нашей натуралистической установки в отношении реляционных модальных свойств является эпистемологический натурализм, т. е. тезис о том, что в основе познания таких свойств всякий раз лежит физическое взаимодействие познающих агентов и соответствующих объектов. И это действительно так: никакого иного способа распознавания хрупкости или ценности тех или иных объектов, кроме как физического контакта с ними, у нас нет.

Таким образом, натуралистический реализм в отношении хрупкости и ценности как реляционных модальных свойств объектов возможен и непротиворечив.

Примечательно при этом, что результатом такого натуралистического познания могут быть некоторые обобщения, такие как «все стеклянные вазы могут быть разбиты» или «ни одну картину, написанную итальянским художником XIV в., не рекомендуется продавать за сто долларов»:

$$(5) \forall x(\text{Стеклянная\_ваза}(x) \rightarrow \Diamond \text{Разбита}(x));$$

$$(6) \forall x(\text{Картина\_ит\_худ\_XIV\_века}(x) \rightarrow \neg R \text{Продана\_за\_}\$100(x)),$$

где R — это особый модальный оператор «рекомендуется».

Как видим, логическая форма этих высказываний может быть формализована сходным образом с тем, что мы видели в случае реляционного модального свойства «быть тем, кого нельзя варить в кипятке», предположительно присущего каждому человеку. Тем самым мы можем *видеть*, что каждая стеклянная ваза обладает свойством возможности быть разбитой, а каждая картина, написанная итальянским ху-

---

³ К этой совокупности следует отнести в том числе время, место, а также и все иные физические обстоятельства создания данного объекта. Так, *точная* копия картины да Винчи должна обладать в точности той же физической историей, что и исходная картина. Естественно, это делает понятие точной копии исключительно мыслимым, идеальным. Точная копия должна не только быть создана тем же художником, но и принадлежать впоследствии тем же владельцам, что и исходная картина, поскольку история владения может оказывать существенное влияние на ценность объекта. Но если мы в рамках мысленной идеализации произведем тотальное копирование всех этих физических обстоятельств (наряду с копированием всех внутренних свойств картины как физического объекта), то после этого мы уже не найдем никаких оснований для различения ценности рассматриваемых двух картин, что говорит нам о том, что отношение супервентности между совокупностью всех физических фактов и ценностью физических объектов действительно имеет место.

дожником XIV в., обладает реляционным модальным свойством «быть тем, что не рекомендуется продавать за \$100».

Основное препятствие: гильотина Юма

Широкое разнообразие имеющихся модальностей порождает не менее широкое разнообразие реляционных модальных свойств объектов. Соответственно, модальности, ассоциируемые с моральными характеристиками, в данном случае представляют собой лишь частный случай более общего явления. Однако данный подкласс реляционных модальных свойств, несомненно, обладает особой спецификой и своеобразной проблематикой. В частности, эта проблематика связана с так называемым нормативным и мотивирующим характером моральных фактов. Как было сказано выше, одним из основных затруднений для построения натуралистического подхода к метафизике моральных фактов оказывается логический разрыв между сущим и должным, традиционно называемый гильотиной Юма. Так, Л. В. Максимов характеризует гильотину Юма как «классический образец “аналитического озарения”, совершенно проигнорированный современниками этого события и до сих пор не получивший безусловного признания за пределами аналитической этики» [15, с. 13].

Соответственно, поставленная нами ранее задача заключается в том, чтобы показать, как возможна супервентность должного на сущем.

Предлагаемое решение, опирающееся на понятие реляционного модального свойства, исходит из того, что моральные свойства объектов могут быть рассмотрены как особая разновидность деонтических модальных свойств, парадигмальным примером которых является такое свойство, как «быть объектом, запрещенным к продаже». Деонтические свойства, в свою очередь, по своей модальной природе полагаются нами сходными с алетическими модальными свойствами, такими как «быть физически возможным, реализуемым». И если обе эти посылки верны, то в таком случае супервентность должного на сущем оказывается не более проблематична, чем супервентность возможного на сущем. В свою очередь, концепция супервентности возможного на сущем представляет собой хорошо разработанный подход, известный как комбинаторная теория возможностей Д. Армстронга [16].

По своему духу эта теория восходит к некоторым положениям «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна. А именно: «2.012. В логике нет ничего случайного: если предмет может входить в атомарный факт, то возможность этого атомарного факта должна предрешаться уже в предмете»; «2.0123. Если я знаю объект, то я также знаю все возможности его вхождения в атомарные факты. (Каждая такая возможность должна заключаться в природе объекта.) Нельзя впоследствии найти новую возможность»; и «2.0124. Если даны все объекты, то этим самым даны также и все возможные атомарные факты».

Примечательно, что сам Витгенштейн не видел никакого сходства между алетическим аспектом бытия и деонтическим. Так, в полном согласии с духом эпистемологического натурализма, эмпирически познавая объекты, мы познаем их возможности. Однако никаких истин о должном мы, по Витгенштейну, из самих свойств объектов вывести не можем: «6.421. Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна».

В случае алетического аспекта бытия действенным инструментом познания, по мнению Витгенштейна, оказывается сама логика. Однако это означает, что возможности, о которых говорит Витгенштейн, представляют собой лишь *логические* возможности. При этом хорошо известно, что логические возможности следует отличать от физических. А значит, в случае класса физических возможностей, более узкого по сравнению с классом логических возможностей, одной логики для познания соответствующих истин нам будет уже недостаточно. Соответственно, у нас появляются два пути: либо утверждать, что познание истин о физических возможностях для нас невозможно по той же причине, что и истин о должном, либо показать фундаментальное отличие в природе таких истин.

Если мы выбираем первую опцию, то вновь сталкиваемся с развилкой: в самом деле, ведь не вполне ясно, о какой именно невозможности могла бы идти речь в данном случае. О физической или же о логической?

Если речь идет о *физической* невозможности, то обнаруживается, что мы можем знать о том, что знание границ и пределов физических возможностей объектов актуального мира находится за пределами наших физических возможностей. Однако это означает, что мы способны определить границы наших собственных физических возможностей, тогда как мы сами, вообще говоря, представляем собой полноправные физические объекты актуального мира⁴. Соответственно, данная опция оказывается внутренне противоречива.

Если же речь идет о *логической* невозможности знать пределы физических возможностей объектов, то для столь сильного тезиса у нас нет никаких оснований. В самом деле, с точки зрения комбинаторной теории возможностей (согласно которой возможности представляют собой разные логически непротиворечивые варианты перегруппировки свойств между имеющимися в наличии объектами), нет никаких оснований полагать, что знание физических возможностей имеющихся объектов *логически* не может быть присуще людям. Если комбинаторная теория возможностей верна, то это просто не так. В том, чтобы некто знал пределы физических возможностей тех или иных физических объектов, нет ничего логически противоречивого.

Наконец, речь могла бы идти о *концептуальной* невозможности знать пределы физических возможностей имеющихся объектов. В частности, именно с такой концептуальной невозможностью какого-либо знания мы сталкиваемся, по мнению Витгенштейна, в случае этики. Но в таком случае подобный тезис применительно к знанию физических возможностей входит в острейшее противоречие с нашими самыми общими представлениями о методологии и о задачах естественно-научного познания.

По сути, речь в данном случае идет о том, что естественно-научное познание в том виде, в каком мы себе его традиционно представляем, концептуально невозможно. Перед нами не что иное, как версия скептического тезиса Юма о невозможности познания причинно-следственных связей (даже если таковые существуют). И хотя предъявить теоретические основания для отклонения подобного скептицизма в пределах реалистической установки оказывается достаточно затруднитель-

---

⁴ В самом деле, ведь в рамках рассматриваемой реалистической установки мы не проводим никакого различия между эмпирическим и трансцендентальным эго, как это может быть проделано в контексте трансцендентальной философии.

но, мы все же позволим себе исходить из сочетания здравого смысла и наглядного опыта, результатом чего может быть только одно: признание того обстоятельства, что естественные науки в ежедневном режиме успешно решают задачи установления пределов физически возможного для широкого класса объектов и явлений.

Заключение. Аргумент

По итогам всей проделанной ранее работы мы оказываемся готовы предъявить основной аргумент данной статьи, нацеленный на демонстрацию непротиворечивости морального натурализма.

Посылка 1: *моральный реализм* внутренне непротиворечив и возможно истинен.

Посылка 2: если *моральный реализм* внутренне непротиворечив и, возможно, истинен, то *моральный натурализм* внутренне непротиворечив и, возможно, истинен в не меньшей степени, чем *натурализм в отношении физических возможностей*.

Первый вывод: *моральный натурализм* внутренне непротиворечив и, возможно, истинен в не меньшей степени, чем *натурализм в отношении физических возможностей* (из посылок 1 и 2).

Посылка 3: *натурализм в отношении физических возможностей* внутренне непротиворечив и возможно истинен.

Заключение: *моральный натурализм* внутренне непротиворечив и, возможно, истинен (следует из первого вывода и посылки 3).

Первую посылку мы принимаем без доказательств в качестве допущения. Третью посылку мы принимаем с опорой на многочисленные факты установления пределов физически возможного в рамках естественных наук (так, хорошо известно, что для человека физически невозможно не дышать на протяжении суток, хотя в этом нет ничего логически невозможного).

Наконец, с целью обоснования второй посылки в рамках данного исследования мы обратились к понятию реляционного модального свойства и показали общность логической формы суждений о моральных модальных свойствах и о физических модальных свойствах тех или иных классов объектов.

В заключение, после того как собственно наше философское исследование уже закончилось, нам бы хотелось сказать еще несколько слов о задачах, стоящих перед реализмом вообще и перед моральным реализмом в частности.

Следует признать, что в подавляющем числе случаев занимать антиреалистическую позицию в философских дебатах оказывается значительно проще, чем реалистическую. Список здесь велик и разнообразен: это касается и свободы воли, и тождества личности, и проблемы квалиа (феноменальных аспектов сознания), и онтологии математических объектов, таких как натуральные числа, и метафизики законов природы, и семантики естественного языка, и онтологического статуса возможных миров, и даже метафизики обычных, привычных нам свойств вроде твердости. В каждом таком случае прояснение природы и статуса рассматриваемых сущностей приводит к таким затруднениям, что появляется соблазн ступить на удобную дорожку отрицания. Так, как указывает А. Ф. Васильев, «антиреализм решает почти все метаэтические проблемы. Если морали нет, то не нужно увязывать мораль ни с физическим миром, ни с содержанием человеческого сознания,

искать связь с мотивами или основаниями действий и объяснять познаваемость этих фактов» [5, с. 181]. Однако подобная тенденция в онтологических изысканиях именно по причине своей простоты и удобства чревата Воландовским итогом: «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!»⁵ Вероятно, некоторые отождествили бы подобное недоумение с дофилософской наивностью, на которую философ не имеет права. Однако против такого итога выступает сама жизнь со всем разнообразием встречающихся в ней определенностей. А потому было бы весьма поспешно и опрометчиво полагать, что таких определенностей нет и не может быть в сфере морали.

Литература

1. Boyd, R. (1988), How to be a Moral Realist, in: Sayre-McCord, G. (ed.), *Essays on Moral Realism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 181–228.
2. Doris, J. M. and Stich, S. P. (2005), As a Matter of Fact: Empirical Perspectives on Ethics, in: Jackson, F. and Smith, M. (eds), *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*, Oxford: Oxford University Press, pp. 115–146.
3. Hare, R. M. (1884), Supervenience, *Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume)*, vol. 58, pp. 1–16.
4. Hare, R. M. (1952), *The Language of Morals*, Oxford: Oxford University Press.
5. Васильев, А. Ф. (2018), Метаэтика: обзор проблематики, *Философский журнал*, т. 11, № 2, с. 167–186.
6. Ястребцева, А. В. (2016), Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основании нормативности, *Вопросы философии*, № 10, с. 47–57.
7. Максимов, Л. В. (1998), Очерк современной метаэтики, *Вопросы философии*, № 10, с. 39–54.
8. Lucio, A. (2019), How Moral Facts Cause Moral Progress, *Journal of the American Philosophical Association*, vol. 5, iss. 4, pp. 429–448.
9. Sturgeon, N. (1986), What Difference Does it Make whether Moral Realism is True?, *Southern Journal of Philosophy*, vol. 24, pp. 115–141.
10. Väyrynen, P. (2017), The Supervenience Challenge to Non-Naturalism, in: McPherson, T., Plunkett, D. (eds.), *The Routledge Handbook of Metaethics*, London: Routledge, pp. 170–184.
11. Sturgeon, N. (1988), Moral Explanations, in Sayre-McCord, G. (ed.), *Essays on Moral Realism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 229–255.
12. Целищев, В. В. (2010), *Понятие объекта в модальной логике*, М.: URSS.
13. Roca-Royes, S. (2017), Similarity and Possibility: An Epistemology of de re Possibility for Concrete Entities, in: Fischer, B. and Leon, F. (eds), *Modal Epistemology After Rationalism. Synthese Library (Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science*, vol. 378), pp. 221–245.
14. Dretske, F. (1969), *Seeing and Knowing*, London: Routledge & Kegan Paul.
15. Максимов, Л. В. (2018), Об аналитическом стиле в этике, *Этическая мысль*, т. 18, № 1, с. 5–17.
16. Armstrong, D. M. (1989), *A Combinatorial Theory of Possibility*, Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2020 г.;
рекомендована к печати 5 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Фролов Константин Геннадьевич — канд. филос. наук, науч. сотр.; kgfrolov@etu.ru

⁵ Впрочем, более точно было бы сказать: «У вас, чего нихватишься, ничего нет или о нем не может быть ничего известно с достоверностью».

Naturalistic ontology and epistemology of moral facts*

K. G. Frolov

International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmanaya ul., Moscow, 105066, Russian Federation
St Petersburg Electrotechnical University,
5, ul. Professora Popova, St Petersburg, 197376, Russian Federation

For citation: Frolov K. G. Naturalistic ontology and epistemology of moral facts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 2, pp. 204–217.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.205> (In Russian)

The paper presents an original version of the moral naturalism — a theory that combines moral realism and naturalistic empiricism. In the first section, I give initial definitions of the basic concepts for our study (such as moral realism, epistemological and metaphysical naturalism, supervenience) and clarify their meaning. In the second section, I present the main motivation for this study and those grounds on which we should try to defend both moral realism and naturalism. In the third section, we take a series of steps aimed at the explication of the logical form of moral facts. The advantage of the proposed logical form is that it allows us to argue that knowledge of such facts can be a result of knowledge of the physical properties of objects. This implies that moral realism and epistemological naturalism are compatible. In the fourth section, I demonstrate another feature of the proposed logical form: it is similar to the logical form of some other, much less controversial modal facts (such as, for example, facts about physical possibilities). This similarity allows us to propose some kind of analogy of Armstrong's combinatorial theory of possibility for moral facts. Doing so I show how moral facts can supervene on the totality of all physical facts. In the fifth section, I analyze the most serious problem for moral naturalism: Hume's guillotine. In the sixth final section, I present the main argument of this paper and make some remarks.

Keywords: ethics, metaethics, ontology, moral realism, moral argumentation, naturalism, supervenience, Hume's guillotine.

References

1. Boyd, R. (1988), How to be a Moral Realist, in: Sayre-McCord, G. (ed.), *Essays on Moral Realism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 181–228.
2. Doris, J. M. and Stich, S. P. (2005), As a Matter of Fact: Empirical Perspectives on Ethics, in: Jackson, F. and Smith, M. (eds), *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*, Oxford: Oxford University Press, pp. 115–146.
3. Hare, R. M. (1884), Supervenience, *Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume)*, vol. 58, pp. 1–16.
4. Hare, R. M. (1952), *The Language of Morals*, Oxford: Oxford University Press.
5. Vasil'ev, A. F. (2018), A sketch of metaethics, *Philosophy Journal*, vol. 11, no. 2, pp. 167–186. (In Russian)
6. Yastrebtseva, A. V. (2016), Metaethics: Realism and Anti-realism in Modern Discussions about Foundations of Normativity, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 47–57. (In Russian)
7. Maksimov, L. V. (1998), Essay on modern metaethics, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 39–54. (In Russian)
8. Luco, A. (2019), How Moral Facts Cause Moral Progress, *Journal of the American Philosophical Association*, vol. 5, iss. 4, pp. 429–448.
9. Sturgeon, N. (1986), What Difference Does it Make whether Moral Realism is True?, *Southern Journal of Philosophy*, vol. 24, pp. 115–141.
10. Väyrynen, P. (2017), The Supervenience Challenge to Non-Naturalism, in: McPherson, T., Plunkett, D. (eds), *The Routledge Handbook of Metaethics*, London: Routledge, pp. 170–184.

---

* The work was supported by the grant of the President of Russia for young researchers, project MK-703.2021.2.

11. Sturgeon, N. (1988), Moral Explanations, in: Sayre-McCord, G. (ed.), *Essays on Moral Realism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 229–255.
12. Tselishchev, V.V. (2010), *The concept of an object in modal logic*, Moscow: URSS Publ. (In Russian)
13. Roca-Royes, S. (2017), Similarity and Possibility: An Epistemology of de re Possibility for Concrete Entities, in: Fischer, B. and Leon, F. (eds), *Modal Epistemology After Rationalism. Synthese Library (Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science*, vol. 378), pp. 221–245.
14. Dretske, F. (1969), *Seeing and Knowing*, London: Routledge & Kegan Paul.
15. Maksimov, L. V. (2018), On the Analytical Style in Ethics, *Ethical Thought*, vol. 18, no. 1, pp. 5–17. (In Russian)
16. Armstrong, D.M. (1989), *A Combinatorial Theory of Possibility*, Cambridge: Cambridge University Press. (In Russian)

Received: November 10, 2020

Accepted: April 5, 2022

Author's information:

Konstantin G. Frolov — PhD in Philosophy, Research Fellow; kgfrolov@etu.ru